

ГБПОУ «Тверской колледж им. А.Н. Коняева»

Служение отечеству как смысл Российского патриотизма.

Рассказ на тему:

«Позабыть нельзя»

Автор: Васильева Ульяна

Преподаватель: Бурцева Р.Н.

2019 г.

Машина тряслась по ухабам уже битый час. В душном кузове было темно и сыро. Изредка удавалось забыться на пару минут, прислонившись к дребезжащему борту, и тогда я снова и снова переживала вчерашний день.

Утром я спешила в медпункт нашего детского дома, нужно было отнести бинты и чистое белье, как вдруг из кабинета директора послышался незнакомый, холодный, чужой голос. Я невольно остановилась. Конечно, подслушивать нехорошо, я прекрасно это понимала, но одна фраза заставила меня прильнуть к замочной скважине и внимательно прислушаться:

- Да что Вы! Какие из них доноры? У детей в крови не то, что витаминов, железа не хватает,- это с жаром спорил Михаил Степанович. Его собеседник как будто задумался. Хмыкнув что-то невнятное, наконец спросил:

- Карашо, а что Вы предлагаете тогда?

- Я думаю, господин офицер, что стоит поместить детей в лучшие условия, хорошо их откормить, и лишь потом их кровь станет достаточно хорошей для немецких солдат.

Собеседник снова хмыкнул, видать идея ему понравилась:

- Istlogisch (Истлугиш), а это лагычно. Карашо, тогда даю вам день на сборы, завтра же едем.

Послышались приближающиеся шаги, я отпрянула от двери и со всех ног бросилась в спальню. Кровь с шумом билась в висках, лицо пылало, колючие слезы стояли в глазах. Как? Как он мог нас предать?! Неужели он заодно с фашистами? Потом мне стало обидно за себя. Неужели я умру, спасая жизни проклятым фрицам, которые убили мою маму, расстреляли отца?! Ни за что! Почему Форинко так поступает с нами?

Тут в комнату вошла наша воспитательница:

- Таня?! Что ты здесь делаешь? Почему не отнесла вещи в медпункт? Что с тобой? - увидев мои заплаканные глаза, спрашивала она.

- Там Михаил Степанович...с немцем!...кровь моя для фашистов...не дам! Умру лучше!,- отрывистые фразы сливались в бред, хотелось рассказать все, поделиться горем, но рыдания душили, не давая свободно вздохнуть.

- Тише, тише, родная,- Елена Семёновна утирала мне лицо своим платком, гладила с материнской нежностью, прижимала меня к груди. Немного успокоившись, я смогла рассказать все по порядку. Родная, милая Елена Семёновна, сколько ж Вам пришлось пережить детского горя в те дни...

- Танечка, я уверена, Михаил Степанович сделает всё, чтобы нас спасти, ведь он так любит вас.

- Зачем... зачем он тогда так говорил?

- Я пока не знаю, но точно знаю, что нам нужно быть сильными. Тебе уже 12, ты совсем взрослая, ты должна понимать.

Тут в комнату вбежал Володька Шишаков, с которым мы учились в одном классе, и закричал:

- Директор сказал собираться, нас перевезут в тёплый дом, мы едем в деревню Бельцы!

* * *

Я снова очнулась в шатающемся грузовике. Мне казалось, что дороге не будет конца. Я страшилась и хотела этого. Но вот, наконец, мы остановились. Послышались голоса, и двое солдат открыли кузов. Дети высыпали на снег, такой родной, русский

снег. Ведь разве могут быть такими пушистыми немецкие снежинки? Детские щёчки тут же заалели, реснички покрылись инеем, а пухлые ручонки хватал снежные хлопья на лету. Резкие окрики "Шнелер, Шнелер" быстро развеяли призрачную надежду на счастье, и мы покорно отправились в ближайший бревенчатый дом.

Деревня Бельцы являлась хорошо укреплённым немецким гарнизоном, в котором порядка ходили на концлагерные. Кормили нас строго по расписанию, гулять вообще не разрешалось. Охранники всячески глумились и унижали больных и слабых, жестоко наказывали за малейшую провинность. А самое страшное то, что часто одного - двух из нас забирали санитары на несколько дней, а после, если несчастные и возвращались, то менялись до неузнаваемости. Немецкие врачи ставили на детях опыты и забирали кровь для госпиталей. Мы жили в постоянном страхе. Дни тянулись за днями, мысли о будущем сковывали страхом, и вот однажды Елена Семёновна отвела меня в сторонку и тихо шепнула:

- Михаил Степанович, сегодня по секрету мне сказал, что готовится операция для нашего спасения.

Я обомлела от неожиданного счастья. Теперь появился шанс на спасение, и мы должны обязательно им воспользоваться.

Часы медленно плелись по заснеженным деревенским прогулкам. А пульс монотонно стучал в висках "когда, когда, когда". Тот вечер 23 февраля 1944 года я не забуду никогда. Уже совсем стемнело и детей укладывали спать, когда дверь слегка приоткрылась, и на пороге оказался незнакомый человек в заснеженном тулупе и ушанке, натянутой на самые брови. К нему тут же подбежала воспитательница. Их разговор длился недолго, и уже через пару минут Елена Семёновна объясняла нам план действий:

- Ребята, нам нужно бежать, партизаны, - тут она указала в сторону незнакомца, - помогут нам добраться до леса.

Дети загомонили, кто то захлопал в ладоши. На сборы ушло менее получаса, и вот уже мы пробираемся по рыхлому снегу в направлении леса. Я, как старшая, несла на руках девочку из ясельной группы. Она часто плакала в приюте, поэтому я боялась, что неосторожный крик может погубить всех нас. Но ребята будто чувствовали, что сейчас их жизни зависят только от них, и даже самые младшие молчали, доверчиво прижавшись к груди своих спасителей. Холодная, ясная ночь была на удивление тихой, морозный воздух застывал на щеках ледяной маской. Как вдруг над головами послышался шум моторов и из-за леса показались 2 самолёта. Тут же на противоположенном краю деревни раздались выстрелы. Им ответили пулеметы немецкого гарнизона. Это партизаны принимали огонь на себя, спасая наши жизни ценой своих. Мы бежали, не оглядываясь, падали и поднимались навстречу чернеющей спасительной полосе.

Темнеющий лес, раскрывающий для нас свои спасительные объятия, манил своей глубиной. Вокруг не было, казалось, ни души, но то и дело из-за сугроба поблескивал в свете луны металлический корпус партизанского пулемета. Бойцам был дан приказ прикрывать побег детского дома с окраины леса.

В ту ночь из деревни Бельцы, в которой находился хорошо вооруженный немецкий гарнизон, было спасено около 200 воспитанников детского дома. Партизаны вывели детей из деревни и отправили на подводах в свой лагерь.

И вновь дорога мучиться вдаль, мои глаза слипаются, голова тяжелеет, мысли скатываются в запутанный клубок, и я проваливаюсь в глубокий здоровый сон.

* * *

- Тише, тише, не разбуди,-слышу я сквозь утреннюю дремоту, и чья-то колкая борода щекочет лицо, сильные руки с лёгкостью приподнимают меня, и я ощущаю запах сосны и махорки. Снова проваливаюсь в забытьё...

Дни в партизанском отряде летели легко. Ежедневно нас осматривал доктор Наум, к которому мы быстро привязались. Партизаны щедро делились с нами своим нехитрым обедом, и та простая каша казалась нам намного вкуснее немецкой тушенки.

Но как всегда это бывает, мир и спокойствие не могут длиться долго. Немцы начали карательную операцию против партизанского движения Полоцко – Левельской зоны. Нас, воспитанников детского дома требовалось срочно эвакуировать за линию фронта. Для этого каждую ночь на ледяной аэродром озера Вечелье приземлялись 2 самолета. Нужно было торопиться, ведь с каждым днём лед становился все тоньше. Увозили сначала самых маленьких и слабых. И вот наконец дошла очередь до меня.

10 апреля в отряд приехала кинооператор Мария Ивановна Сухова. Она снимала кинохронику для будущих фильмов о войне. Узнав о том, что советские лётчики спасают детей, женщина решила, что не может упустить такой сюжет. Она решила этой же ночью начать съёмку. Я была в полном восторге!

-Скажите, а правда, что я попаду в фильм? - приставала я Марии Ивановне.

-Конечно, - отвечала та, в будущем с помощью кинохроники наши с тобой внуки смогут узнать, что же такое война! В мире не должно повториться такого.

- А вам не страшно снимать под пулями?- спросила я, -ведь Вас могут убить!

- Страшно?...хм...а я и не задумывалась,- чуть подумав, ответила девушка, - а кому сейчас не страшно? Главное, быть уверенной, что рискуешь за правое дело.

Я искренне восхищалась этой отважной женщиной. Рассказывали, будто она прятала свои плёнки, и никому не рассказывала об их местоположении, боялась, что узнают немцы.

Радостное возбуждение заливало теплотой душу. Но было немного грустно покидать, приютивший нас, партизанский отряд. Доктор Наум осмотрел меня еще утром и дал «Добро» на полёт.

Наконец наступил вечер. Наша группа была готова. Со мной летели её десять ребят, в том числе и Володька, воспитательница и двое раненых партизан. На озеро приземлился самолёт Р-5, из кабины выпрыгнул улыбающийся пилот- Саша Мамкин, мы уже подружились, ведь он прилетал за детьми уже в 9 раз. Мария Ивановна начала съёмку.

Мамкин радостно махает из кабины. Кадр. Что-то увлеченно рассказывает партизанам. Кадр. Подхватывает в кабину ребёнка. Кадр. Р-5 поднимается в воздух. Кадр...Кадр...Кадр...

И снова дорога. Но на этот раз не одна. Извилистые хитросплетения тропинок и шоссе напоминали паутину. Её кружево казалось было выткано на тёмном бархате лесов светлыми лунными нитями.

Всю жизнь я мечтала прикоснуться к облаку, такому мягкому и тёплому, как всегда казалось. И вот мы набираем высоту... И Р-5 окутывает густой мокрый и липкий туман. Неужели это и есть облако? Яркая детская мечта разрушена суровой, совсем не детской реальностью. А сколько ещё таких надежд развеяла война?

Мы теснее прижались друг к другу. Вдруг послышался страшный треск. Самолет круто изменил курс, и мы полетели вниз. Было страшно. Стремительный полет, полумрак, ужас пронизывал все мое существо... Воспитательница широко раскрыла свои объятия и старалась каждого прижать к груди, защитить. Тем временем в кабине пилота начался пожар. Горели двигатели, плавилось железо. Я закрыла глаза. Нет...нет...нет! Неужели мы умрём? Я стала молиться, неуклюже, неумело, как учила в детстве бабушка.

- Боженька! Спаси нас! Спаси Елену Семёновну, ребят, партизан...и меня! Как же не хотелось умереть именно сейчас!

- Будем садиться, -послышался голос лётчика.

Неужели есть шанс на спасение? Я никогда ранее не слышала о подобном. Посадить горящий самолет- немыслимо! Но вот крылья "кукурузника" уже задевают верхушки елей, мы несемся к опушке небольшого леса с огромной скоростью. Взглянув вперед, я вскрикнула. Там, где должен был находиться пилот, бушевало пламя. Перегородка уже начала тлеть, и полушубок Володьки, сидевшего ближе всего к пилоту, дымился. От дыма и жара всё плыло перед глазами, казалось, что мы кружимся на огненной карусели. Вдруг резкий толчок, затем ещё и ещё... Р-5 скатывался по склону к полю. Мы затормозили. Мамкин вывалился на снег.

-Дети живы?,- только и сумел вымолвить он.

- Товарищ летчик, не беспокойтесь,-Володька выпрыгнул в снег,- я открыл дверцу, все живы выходим.

Я первой выбралась из самолёта и побежала к пилоту. То, что я увидела невозможно спокойно пересказать. Очки вплавились в лицо, ноги обгорели до костей, одежда еще тлела. Меня переполняла благодарность! Этот человек спас мне жизнь и теперь так страдает! Я судорожно сжимала руку Саши, теребила его за полушубок, пыталась потушить остальную одежду. Сейчас, представляя те минуты, я не могу вспомнить следов огня на лице Александра. Мне вспоминается улыбающийся образ молодого летчика, запечатленный на пленки Марии Суховой.

Через 2 дня Александра Мамкина не стало. Он скончался в госпитале от обширных ожогов. Врачи так и не смогли объяснить, как мог вести самолет человек, у которого от ног остались одни лишь кости.

А вокруг всё еще бушевала война. Нашего директора-М.Форинко и ещё нескольких ребят вывезти не успели. Они побывали в немецком плену, но сумели выжить. Война закончилась, многие военнопленные стали "неблагонадежными" для правительства. Та же участь постигла и Михаила Ивановича. Не вспомнили тогда, как он спас целый детский дом.

Но никогда не забыть нам, его воспитанникам, того подвига, совершенного простым учителем. Мы помним и Сашу Мамкина, пожертвовавшего за нас жизнь. Каждый год, в память о том спасении мы собираемся на озере Вечелье и вместе вспоминаем те события.

От автора

Как страшно, когда понимаешь, что время стирает память. Что наши потомки не вспомнят, а может и никогда не узнают, о тех, кто отдавал свои жизни ради них. Так радостно становится на сердце, когда узнаешь еще одну историю о подвиге, совершенном настоящим человеком, Человеком с большой буквы. Невольно задумываешь, а смог бы я так? Ведь я тоже мечтаю быть Человеком. Горько

осознавать и совсем не хочется принимать свою слабость. Многие сейчас говорят "Мы повторим!", но ведь это совсем не так. Молодые ребята, шли на войну, умирали ради мира, ради жизни, ради нас. Ради того, чтобы не было войны. А мы кричим, что готовы её повторить.

Я хочу выразить благодарность таким людям, как Александр Мамкин, Михаил Форинко и Мария Сухова. Благодаря им я живу той жизнью, которую отдали за меня они. Достояна ли я этого? Не знаю. Я знаю лишь одно- я не потрачу эту жизнь зря, не опозорю памяти героев. Я помню. Я горжусь.